

ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Н. АЛЕКСЕЕВ

Дневник — *для...*

Письмо — *к...*

Статья — *о...*

Общение — *с...*

Коммуникация — и *для...*, и *к...*, и *о...*, и *с...*

Р. Ленчовский

Коммуникация самому себе, другому и другим

Термин *коммуникация* многозначен. Он может употребляться и как синоним *общения* (обмена информацией)¹, и в значении *сообщения* (передачи информации). Здесь будет использоваться второе значение, этимологически исходное². В структуре коммуникации, как сообщения, традиционно выделяются: *субъект-источник* (адресант, коммуникатор); *содержание* коммуникации; ее *форма*; ее *средства* (знаковые, технические, институциональные и др.); *адресат* (субъект, которому коммуникация предназначена; в случае, если это индивид — реципиент); *эффекты*. Коммуникация осуществляется в определенном *контексте* (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.).

Различают вербальную (словесную) и не вербальную коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), личную (адресованную вполне определенному человеку) и массовую (адресованную анонимной аудитории), «коммуникацию-разговор» и «коммуникацию-распространение» (термины А. Моля), индивидуальную (где адресантом выступает индивид, личность, *лицо*) и институциональную (исходящую из социального института), диалогическую и монологическую. Коммуникация может быть также спонтанной и целевой³. Возможны и иные категориальные подразделения коммуникативного процесса.

Здесь не станем обсуждать все многообразие форм коммуникации, равно как и ее универсальные семиотические и иные механизмы. Сосредоточимся на *индивидуальной* коммуникации, и, в частности, укажем на фундамен-

тальное различие ее возможных адресатов. Таковыми могут быть: сам субъект-источник коммуникации; другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай *коммуникацией самому себе* (можно говорить также: автокоммуникация), второй — *коммуникацией другому лицу* и третий — *коммуникацией для других*.

От этих общих определений перейдем к рассмотрению индивидуальной коммуникации, воплощенной — дальнейшее сужение предмета! — в *письменном* тексте (он же — *скрипт*). Здесь для каждого из указанных случаев коммуникации может быть усмотрен «идеальный тип» текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы, различающиеся адресатом коммуникации, условно: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других)⁴.

Сначала некоторые «очевидные» черты и определения.

Дневник по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

Письмо — тоже личностно и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т.е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписки»); оно может быть «целевым» и совершенно спонтанным, а также «ритуальным» (поздравительные открытки).

Письмо *par excellence* — это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т.е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адресата: *другое лицо*.

Статья — наиболее условное из предложенных нами обозначений типов письменного текста. В разряд «коммуникации для других» относимы почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется аудитории, иногда специализированной, иногда массовой. В «статье» особенно ярко выражена целевая функция и минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее видовое разнообразие, чем в иных названных типах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (радикально отличная от упомянутых выше) есть тоже «коммуникация для других»... Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобен термин «статья».

Является ли наша классификация полной, перечень типов, выделенных по адресату (на данном уровне обобщения) — исчерпывающим? Нет. Ибо возможна еще коммуникация, обращенная не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некой «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее классах индивидуальной коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

Итак, нами выделены три категории, или класса индивидуальной письменной коммуникации, принципиально различающихся адресованием: *к себе*; *к другому*; *к другим*. Для них указаны, соответственно, три типа скриптов: *дневник*, *письмо* и *статья*. Более или менее понятна специфика

каждого из этих типов. Но вообще-то самым интересным и перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей и взаимодополнительности этих форм.

Можно предположить, что здесь имеем дело с *системной триадой*, в смысле Р. Баранцева⁵, поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицию (дневник), эмоцию (письмо), рацию (статья). В таком случае, исследование соотношения выделенных нами трех типов скриптов становится не частнонаучной, а философской, эпистемологической задачей.

И логически, и исторически *письмо* является, по-видимому, «праформой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим. Могут быть усмотрены в письме и элементы автокоммуникации.

При ближайшем рассмотрении, в любой из названных ипостасей индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга. По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Принципиально возможен синтез: дневник-письмо-статья.

Публичность, корпоративность, приватность, интим

Изложенное выше стоит соотнести с известным различием сфер *публичности* и *приватности*.

Публичность предполагает открытость (доступность для всеобщего обозрения, восприятия, участия) социальных связей и отношений, включая «коммуникацию для других». Здесь могут быть выделены «градации» публичности. Так, *массовая* коммуникация потенциально доступна всем и каждому, кто пожелает с нею ознакомиться, хоть фактически она — в различных своих подразделениях, как правило, обращена к определенной, целевой аудитории. К сфере пуб-

личности относится и *специальная* коммуникация (например, научные тексты, правовые акты и проч.), которая также в принципе доступна всем; другое дело, что не у всех она может вызвать интерес или быть понятой. Таким образом, можно говорить о потенциальной и фактической, реальной публичности (так же как различают потенциальную и реальную аудитории).

Особую разновидность специальной коммуникации составляют тексты, адресованные аудитории, состав которой заранее определяется, а масштабы ограничиваются — какими-либо правилами или установлениями («только для...» или «для служебного пользования», государственная тайна, коммерческая тайна и проч.). Область такого ограничения, или регламентации, особенно деловой (но и не только...), коммуникации, во всяком обществе достаточно велика. Ясно, что это уже не публичная сфера, но и не приватная, разумеется. Такую коммуникацию «для избранных» можно назвать *корпоративной* (имея в виду расширительное толкование этого слова). Кстати сказать, соотношение, пропорции публичной и корпоративной коммуникации является важным показателем, характеристикой свободы распространения информации, и вообще — открытости общества.

Обратимся к *приватной* сфере, или сфере личной автономии. Здесь тоже множество степеней и градаций. Сразу оговорим, что приватной может быть коммуникация и самому себе, и другому, и для других. В первом и втором случаях — понятно. В третьем — имеет место ограниченное число персональных адресатов, некое «расширение» приватности (в противовес «сужению» публичности, о котором говорилось выше). Не вполне переводимое на русский понятие *privacy*, относимое обычно к «частной жизни», в общем, охватывает всякий конфиденциальный обмен информацией между людьми, как частными лицами.

Частное лицо выступает то адресантом, то адресатом приватной информации, но не следует забывать и об индивидуальности, личности, коммуникация которой может быть принципиально закрытой от всяких «посторонних глаз», это сфера *интимности* (в расширительном смысле).

Разумеется, тут не приходится говорить о типе текстов, условно обозначенном нами как статья. В «интимной» сфере бытуют коммуникация другому и — особенно — коммуникация самому себе.

Подведем некоторый предварительный итог. Нами проведено различие сфер: публичности, корпоративности, приватности и интимности, применительно к индивидуальной письменной коммуникации. Корпоративность есть урезанная публичность. Интимность — сугубая, акцентуированная приватность. С другой стороны, выше было предложено различать коммуникацию самому себе, другому и для других. Как сопрягаются эти два ряда категорий?

Дневник, по определению, *интимен*; письмо, по преимуществу, *приватно*; статья, как правило, *публична* (хоть может иметь и достаточно узкую, *корпоративную* сферу распространения). В сущности, эти определения вытекают из различия адресов — от «самого себя» до «граду и миру»⁶.

Многообразие писем

Рассмотрим подробнее письмо, не как тип письменной коммуникаций другому, а как реальный социальный феномен в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: «*Письмо* — написанный текст, посылаемый для сообщения кому-н. чего-н.»⁷. При этом будем, по мере необходимости, обращаться к ранее представленной коммуникационной модели, а также к различению сфер в континууме от публичности до интимности.

К специфике письма (будем говорить также — *послание*), как формы текстового сообщения относятся:

а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);

б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории — то с прямым обращением (апелляцией...) к определенной группе (группам);

в) вытекающая из п. «а» необходимость фиксации сообщения на некотором *материальном носителе*, который

может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия в его рамках. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Варианты послания: от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду; от группы к группе. Возможные материальные носители: вещественный, волновой, магнитный.

Чтобы не утонуть в этом море многообразий, введем некоторые ограничения. Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс — это всего лишь «технические подробности». И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо «от одного к другому» в предложенной нами ранее модели предстает одним из видов коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо. Такое письмо *моноадресно* (в терминах теории информации — аксиальная коммуникация). Независимо от содержания, письмо конкретному лицу, как правило, не рассчитано на «постороннее» восприятие. Это, понятно, не относится к случаю адресованного индивиду *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись, факсимиле), а по существу — *институциональный* источник.

В свете сказанного, элементарным видом письма является письмо в сущности *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность — антитеза *публичности* (см. выше). В этом последнем случае субъектом-источником выступает тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (ретиальная коммуникация).

Возможно ли «приватное многоадресное» письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная ком-

бинация — «публичное моноадресное» письмо? Такое тоже вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма определенному лицу), но тогда письмо оказывается лишь по форме моноадресным (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано «граду и миру».

Еще раз оговорим, что в этих различиях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть оппозиции «приватности-публичности» и «моно-» и «многоадресности» мы начали выходить за рамки «коммуникации другому» и обсуждать также «коммуникацию для других». В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден. При этом возможно «равноправие» и «неравноправие» адресатов: В первом случае письмо обращено в равной мере ко множеству людей; во втором — оно имеет приоритетного адресата, а остальные получают его (письма) как бы копии. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является массовая коммуникация, которая обращена к анонимным аудиториям (см. выше).

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является аудитория. Тут уместно различать аудитории *потенциальную* и *реальную*. Первая — объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено; вторая — включает только тех, кого оно реально достигло. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т. д. относится к коммуникации вообще, но оно, понятно, справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма, как ее частного случая.

Далее попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма, или источник сообщения, индивидуализирован. Вариантом жанра «письма» (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются

институциональные документы, имеющие характер послания. Тут и «обращение к народу», и дипломатическая нота, и даже рекламный слоган... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место прямое обращение к некоторому кругу читателей (будь то «товарищи», «господа» или «уважаемый господин Президент»).

Понятно, что институциональный документ может иметь и очень ограниченную аудиторию, т.е. быть *закрытым* (в отличие от «открытых писем» и вообще публичных текстов). Документы «для служебного пользования», скажем, — это тоже «письма». Господствующие социальные институты, различные ведомства и т. д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках Закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность не прозрачной.

С другой стороны, *приватное* письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных Законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению.

Последние замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию писем, как таковых, а к социальным условиям «бытования» письма, что есть отдельная тема.

Наконец, может ли письмо быть коммуникацией самому себе? Да, это не что иное, как *дневник*. Дневник выступает таковым письмом если не субъективно (человек может считать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно. Но специально о дневнике — ниже.

Укажем еще на различие писем по основанию: *монологичность — диалогичность*. Как уже отмечалось, письмо — это по преимуществу *разговор*. Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель рассчитывает на обратную связь («переписка»). Но это ожидание ответной (или «встречной») коммуникации может быть подкреплено либо нет — формой послания, может быть эксплицировано в тексте либо только подразумеваться. В последнем случае письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в случае коммуникации публичной, где достаточно

отчетлива разница между письмом-*обращением* (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность)⁸.

Итак, монологичное письмо — это письмо, не претендующее на ответ, или же — не дающее прямого повода для ответной коммуникации. В отличие от диалогичного письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей адресанта и адресата.

Еще одно теоретическое различие: *письмо-диалог*; *письмо-прошение*; *письмо-предписание*. Это — разные модальности вербального взаимодействия. Первая — разговор «на равных» или, согласно модели К. Пигрова, «горизонтальная» коммуникация, в отличие от «вертикальной»⁹. Второе и третье — иерархически выстроенная коммуникация: прошение обращено «снизу вверх», а предписание — «сверху вниз».

Как видно, многообразие писем, их классов и разновидностей, вообще, является исключительно высоким. Мы здесь вовсе не претендуем на полную систематизацию, а лишь пытаемся обозначить возможные способы письменного общения, основания для классификации и т.п.

Сообщение, отображение, изъятие

Заслуживает специального обсуждения вопрос о *полифункциональности* письма. Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополнительных момента: *сообщение*, *отображение* и *выражение* (или *изъявление*; ср. у Довлатова: литература — *изъявление* внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (актеров, коммуникантов), уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации («контента», содержания).

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее, некоторые фрагменты ее. Кем-то сообщается кому-то информация о *чем-то* из реалий мира.

И, наконец, в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъявлено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма, заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться так же, как *функции*. При том, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу), отличается от письма, выступающего предпочтительно формой выражения или самовыражения)¹⁰. Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу). В принципе возможно и «равноправие» указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъятие, как функции письма, могут быть сопоставлены с системной триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение, познание и творчество*¹¹.

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально «о себе» мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме, как *акте общения*, как *документе времени* и как *автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию всего богатства размежеваний и пересечений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личностности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресован-

ных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности, для социокультурной и психологической характеристики их авторов. И т. д., и т. п.

Может быть, самые яркие примеры совмещения указанных выше функций и форм письма, предъявляет современная «мировая сеть» (Интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема значимы и для анализа таких новейших форм социальной коммуникации (глобального общения), как «форумы», «блоги», «живой журнал», не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т. д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей темы.

Дневник и «протоколы жизни»

Теперь обратимся к специфике *дневника*, как типа *скрипта* и реального социального феномена. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма письменной автокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в «жизнь историческую». Именно в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает, независимо от намерений автора, смысл послания, другому лицу, или свидетельства (как биографии, так и истории), для других.

Каковы «собственные» черты дневника как типа письменных текстов? В отличие, скажем, от «письма» (которое обычно предполагает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник, как уже говорилось, по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от «статьи» (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник сугубо личностен. Формы дневника чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога *с самим собой*.

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или

публицистический) жанр и изначально имеет место ярко выраженная «коммуникация для других» (например: «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского).

Попытаемся все же как-то упорядочить чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) *«дневник души»* (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) *«дневник духа»* (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и лабораторией творчества; часто — это сырье для будущих произведений; пример — «Записные книжки» А.П. Чехова);

в) *«дневник факта»* (где главный упор делается на внешних событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с идеальными типами. В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник тяготеет к тому или иному типу¹².

Ниже остановимся лишь на случае *дневника факта*, а точнее — на особой его разновидности.

... Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, для памяти: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — описание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни «на стыках» с жизнью общественной, в тех точках, где та и другая пересекаются. То есть целевая установка на фактографию *в контексте* данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и *не только для себя*. Здесь хочется вспомнить известное замечание А.С. Пушкина, зас-

видетельствованное А. Н. Вульф: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться»¹³. Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть *протоколом жизни*.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения от противного: укажем сначала на то, чем протокол жизни заведомо *не* является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, мониторинговой задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня много-составной и полифонической летописью современности). Протокол жизни отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот протокол приобретает характер *жизненного свидетельства*, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

2. Вместе с тем, протокол жизни — это не сугубо личный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие «происшествия», которые, по мнению автора, представляют интерес и *для других*, — «чтобы могли на нас ссылаться» (если кому-либо когда-либо зачем-либо это понадобится). В таком случае, это документ также и — изначально! — *общественный*.

3. И, наконец, протокол жизни (как явствует из самого термина) — это вовсе не мемуары, не ретроспекция, не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется *в ходе события* или составляется по его «горячим следам». Это — *первичный*, а не вторичный документ личности и времени, не замутненный последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не от противного).

4. Протокол жизни — это своего рода тематизирован-

ная регулярная или эпизодическая *жизненная хроника*. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие реперные события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно *действует*; или же его персона отходит в протоколе на второй план — если он является только наблюдателем, *свидетелем*.

6. Наконец, протокол жизни есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а «в точке пересечения биографии и истории» (выражение Ч.Р. Миллса)¹⁴.

Итак: протокол жизни — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — «мировую драму»). Таким образом «протокол жизни» сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других.

Другие черты и виды дневника здесь рассматривать не будем¹⁵.

Примеры намеренного или «стихийного» совмещения *дневника, письма и статьи*, по существу — их синтеза, находим в творческом наследии выдающихся деятелей науки и культуры (например, А. Герцен, А. Швейцер, А. Ухтомский, М. Пришвин, А. Любищев, Г. Гачев...).

Скриптизация бытия

«В начале было Слово». Но не письмо. Письменность — уже продукт культуры. Письменная коммуникация — одна из форм межчеловеческого общения. В понятии *скрипти-*

зация акцентируется закрепление в письменном слове некоторых фрагментов, аспектов, черт бытия (индивидуального, *par excellence*).

По мысли К. Пигрова, «рефлексия как обязанность философствования за две с половиной тысячи лет выработала универсальные и совершенные технологии вербализации и скриптизации, т. е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове»¹⁶. Как дневник, так и письмо суть имманентные формы скриптизации индивидуальной и социальной, приватной и публичной жизни.

Примечания

- ¹ «Коммуникация... смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия» (Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 322).
- ² *Communicatio* — сообщение, передача (лат.). Ср. у Э. Гидденса: «Коммуникация... Передача информации от одного индивида или группы к другим. Коммуникация является необходимой основой для всех видов социального взаимодействия...» (http://www.i-u.ru/biblio/archive/giddens_sociologija/15.aspx).
- ³ Если коммуникация является целевой (т.е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить не только об эффектах или последствиях, но и об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели).
- ⁴ См.: *Алексеев А.Н.* Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Люблинские чтения. Ульяновск, 2000.
- ⁵ См.: *Баранцев Р.Г.* Становление тринитарного мышления. М. — Ижевск, 2005, и др. работы этого автора.
- ⁶ Заметим, что, согласно такой классификации, даже такие личностные скрипты, как воспоминания или семейная хроника, являются «статьями».
- ⁷ *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 509.
- ⁸ Заметим, что в российской институциональной практике, идущей от советских времен, «заявлением» называется в сущности «челобитная»: «*Прошу* принять меня на работу...», «*прошу* решить мой вопрос...», — пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть «заявление»...
- ⁹ См.: *Пигров К.С.* Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни // *Vita Cogitans*: Альманах молодых философов. Вып. 4. СПб., 2004. С. 76 — 83.
- ¹⁰ «Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения. Потребность же в воплощении — самая обычная, и самое обычное средство ее удовлетворения — слово (быть может, потому-то, в силу обычности, оно и самое человеческое

средство: человек на санскрите — говорящий слова). Стремление к воплощению становится предосудительным, когда забывает о своей обычности и рядится в исключительность» (*Кетегат А. О письме-воплощении...* Цит. по: *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб., 2003. С. 303*).

- ¹¹ *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. С. 507 — 510.*
- ¹² См.: *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 3. СПб., 2003. С. 53.*
- ¹³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1974. Т. 1. С. 416.
- ¹⁴ *Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998. С. 16.*
- ¹⁵ См.: *Пигров К.С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998; Пигров К.С. Дневник: диалог с самим собой // Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium». Вып. 22. СПб., 2002; Пигров К.С. Вещь и время. Время/бремя артефактов (Социальная аналитика повседневности. СПб., 2004.*
- ¹⁶ *Пигров К.С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни. С. 76.*